Globethics Repository

Прозрачность и коррупция среди организаций гражданского общества

This page was generated automatically upon download from the Globethics Repository. More information on Globethics see https://www.globethics.net. Data and content policy of Globethics Repository see https://repository.globethics.net/pages/policy.

Item Type	Preprint
Authors	Graf Lambsdorff, Johann
Publisher	Transparency International
Rights	With permission of the license/copyright holder
Download date	2026-11-15 02:12:40
Link to Item	http://hdl.handle.net/20.500.12424/177720

Прозрачность и коррупция среди организаций гражданского общества

Фолхарт Финн Генрих

Проблема этического поведения и подотчетности среди организаций гражданского общества (ГО) стала в последние годы центром внимания, что было вызвано как случаями плохого управления и коррупции внутри небольшого количества организаций ГО, так и ответным ударом по самому гражданскому обществу. Многие страны стали свидетелями оригинальных и эффективных подходов, таких как создание структуры саморегулирования и кодексов поведения. По сравнению с другими социальными феноменами, однако, был очевиден недостаток информации о положении дел организаций ГО, включая внутреннюю прозрачность и другие, связанные с коррупцией темы. Для того, чтобы заполнить этот пробел, организация CIVICUS разработала Индекс гражданского общества CIVICUS для оценки состояния дел гражданского общества на основе сопоставления различных стран друг с другом.[1] Этот проект предлагает средство для диагностики, чтобы оценить здоровье гражданского общества и предложить основанные на конкретных данных стратегии для его укрепления. Передавая права на собственность на процесс реализации и данные исследования в руки местного гражданского общества, индекс стремится обеспечить эффективную связь между исследованием, рассуждением и действием.

Ключевым элементом этого проекта являются национальные семинары, проводимые для участников гражданского общества, которые обсуждают и утверждают выводы исследования и вырабатывают план действий на будущее. В 2000-2001 гг. CIVICUS, совместно со своими партнерами в соответствующих странах, осуществил пилотную фазу проекта в 12 странах: Беларуси, Канаде, Хорватии, Эстонии, Гане, Мексике, Новой Зеландии, Пакистане, Румынии, Южной Африке, Украине и Уругвае.

Методология исследования использует общую схему для всех стран, но оставляет достаточно места для адаптации к условиям страны используемых показателей.[2] Собранные данные поступают в основном от опросов представителей гражданского общества, дополненных из доступных вторичных источников информации. Как бы то ни было, опора на «субъективные» оценки этих представителей сделала сложным сравнение результатов по странам, поскольку есть вероятность того, что отвечающие на вопросы в разных странах пользуются различными критериями.[3] При чтении нижеследующего анализа эта оговорка должна быть принята во внимание.

Одно из направлений опроса представителей гражданского общества было сосредоточено на ценностях гражданского общества. Тремя показателями этого направления были общественная подотчетность, финансовая прозрачность и восприятие коррупции (см. табл. 1). Анализ данных показателей обнаружил три несколько различающихся типа гражданского общества. Показателями достаточно зрелого гражданского общества были положительные оценки финансовой прозрачности и общественной подотчетности, соединенные с низким уровнем коррупции. Это относилось к организациям ГО в Канаде и Южной Африке.[4] Показателями смешанного типа гражданского общества, преобладающего в Восточной Европе и, в меньшей степени, в Мексике, были восприятие довольно высокого уровня прозрачности и подотчетности, но соединенными с плохим управлением и коррупцией. Здесь, хотя влияние иностранных доноров могло установить хорошие механизмы подотчетности, ведомое донорами гражданское общество со слабыми корнями могло стать стимулом для плохого управления и коррупции. Третий тип гражданского общества может быть охарактеризован как ведомый низовыми инициативами, где меньше внимания уделяется проблемам подотчетности и коррупции. Очевидно, что Уругвай и Пакистан подпадают под эту категорию.

Таблица 1. *Взгляды опрашиваемых на прозрачность и коррупцию в организациях ГО (в процентах)*[i]
Показатели по горизонтали слева направо: доступность для публики общей информации об организациях ГО, финансовая прозрачность организаций ГО и восприятие коррупции среди

[i] Процент опрошенных, которые полагают, что в том, что касается большинства организаций ГО в их странах: а) организации ГО делают информацию доступной для общественности, б) организации ГО делают свои финансовые отчеты доступными, в) существуют случаи коррупции и своекорыстия в системе внутреннего управления. Для некоторых стран шкалу оценки пришлось корректировать, чтобы стало возможным сравнение по странам.

организаций ГО. Страны сверху вниз по вертикали: Канада, Хорватия, Мексика, Пакистан, Румыния, Южная Африка,[ii] Украина, Уругвай.

Таблица 2. *Сравнение коррупции в гражданском обществе и в государственном секторе*
Показатели по горизонтали слева направо: средние показатели Индекса CIVICUS по гражданскому обществу и Индекса восприятия коррупции ТИ 2001 г. (где ноль – наиболее коррумпированная страна, а 10 – самая чистая от коррупции). Страны сверху вниз по вертикали: Канада, Хорватия, Мексика, Пакистан, Румыния, Южная Африка, Украина, Уругвай.
Примечания к табл..2.
1. Колонка по гражданскому обществу представляет усредненный показатель по трем индикаторам из таблицы 1 (доступность информации для общественности, финансовая прозрачность, восприятие коррупции).
2. Коэффициент корреляции по двум колонкам равен 0.72.

Когда показатели CIVICUS были сопоставлены с Индексом восприятия коррупции Транспаренси Интернешнл, выявилась достаточно сильная корреляция, которая может указывать на то, что схожие «коррупционные» факторы действительны и для гражданского общества, и для государственной бюрократии (см. табл. 2). Однако, ответственность за обеспечение того, что организации ГО являются подотчетными и действуют этично, по-прежнему лежит на самом гражданском обществе. Мы надеемся, что Индекс CIVICUS может быть использован для отслеживания прогресса, которого добились участники гражданского общества, по мере того как они еще больше развивают механизмы обеспечения прозрачности, подотчетности и снижения коррупции.
Инструменты и методология Индекса CIVICUS в настоящий момент совершенствуются и развиваются. В 2003 г. усовершенствованный Индекс CIVICUS будет применен в 25 странах. Чтобы осуществить это, организация CIVICUS ищет сотрудничества с национальными партнерскими организациями.

Контактное лицо: Фолхарт Финн Генрих, руководитель проекта, Индекс гражданского общества CIVICUS (e-mail: finn@civicus.org).

[ii] В Южной Африке опрашиваемым задавали вопросы об их собственной организации, а не об организациях ГО в целом. Поэтому сравнение Южной Африки с другими государствами в этой таблице должно быть сделано с осторожностью.

Коррупция и доверие по исследованиям «Барометр новой Европы и новой России»

Ричард Роуз

Центр изучения общественной политики при университете Стрэтклейд в Великобритании регулярно проводит опросы общественного мнения, направленные на оценку перемен в бывших коммунистических странах Центральной и Восточной Европы, включая Россию. В 2001 г. Центр провел в 10 странах Центральной и Восточной Европы, добившихся членства в Европейском союзе, исследование под названием «Барометр новой Европы», характеризующее каждую из этих стран, а также «Барометр новой России». В общей сложности было опрошено 13010 человек.

Пережитки коммунистических традиций, соединенные с новыми возможностями для обогащения, делают сегодня коррупцию главной угрозой верховенству закона в посткоммунистических странах. Когда граждан спрашивали, насколько распространены, на их взгляд, коррупция и взяточничество среди государственных служащих, большинство во всех странах, кроме одной, сказали, что большинство или почти все государственные служащие «коррумпированы» (см. схему 1). Самым высоким восприятие коррупции было в двух государствах Балтии – Литве и Латвии. Восприятие коррупции не так высоко в Эстонии или Российской Федерации. Словения стала исключением в том, что более половины ее граждан отвергли идею о том, что большинство чиновников коррумпировано, в то время как в Венгрии почти 50 процентов согласились с этим.

Для того, чтобы понять, как люди считают надо решать вопросы с государственными служащими, в рамках «Барометра новой Европы» людям был задан вопрос – что они сделали бы, если бы, когда им понадобилось какое-либо разрешение от властей, им, вместо немедленного ответа, сказали бы набраться терпения и подождать. Только четверть опрошенных думали, что чиновники отреагируют без какого-либо принуждения, в то время как только 20 процентов думали, что письмо или телефонный звонок в качестве напоминания будет достаточно, чтобы добиться результата. Значительная часть полагала, что единственным способом добиться того, чего они хотели – это выйти за рамки закона (см. схему 2). Каждый четвертый сказал, что для того, чтобы добиться результата, он воспользуется связями, каждый восьмой предложил бы наличные, шесть процентов стали бы просто делать то, что они хотели, без каких-либо разрешений. В Латвии, Литве, Румынии и Словакии большинство было готово обойти закон, чтобы добиться результатов. В Польше, Чешской республике и Словении было достаточно высокое ожидание того, что государственные служащие сделают то, что они должны сделать, без необходимости обращаться к связям. Использование связей для действий в обход закона является напоминанием о том, что система дружественных связей, которая, как полагают, способствует демократии гражданского участия, может быть использована и для продвижения «негражданской» коррупции.

Коррупция и преступность, объединенные с наследием презираемых коммунистических правителей, порождает широко распространенное гражданское недоверие. Общество коммунистической эпохи, в котором отдельные личности стремились изолировать себя от власти через проверенные личные отношения, сохраняет свою значимость и сегодня. Большинство граждан не доверяет институтам гражданского общества действовать от их имени в том, чтобы держать правительство подотчетным. Вместо этого они обращаются к системе

неформальных дружеских связей для защиты от всех видов политических и социальных институтов.
Когда в рамках «Барометра новой Европы» был задан вопрос, доверяют или не доверяют люди дюжине различных институтов – от армии и полиции до телевидения и профсоюзов – только в среднем 30 процентов продемонстрировали доверие. Недоверие было выше к правительственным, нежели неправительственным институтам (таким, как СМИ, церковь и профсоюзы). Только 28 процентов доверяли полиции и 25 процентов доверяли судам. Эти цифры отражают распространенное подозрение, что полиция скорее находится в сговоре с преступниками, нежели борется с ними.

Схема 1. *Восприятие распространения коррупции среди государственных служащих (в процентах)*
В шкале по горизонтали находятся следующие страны (слева направо): Литва, Латвия, Румыния, Словакия, Россия, Болгария, Польша, Чешская республика, Эстония, Венгрия и Словения.
Примечание. Данные цифры отражают количество опрошенных, сказавших, что «большинство» или «почти все» государственные служащие в их стране коррумпированы.

Схема 2. *Граждане, готовые обойти закон, чтобы добиться результата (в процентах)*
В шкале по горизонтали находятся следующие страны (слева направо): Литва, Латвия, Румыния, Словакия, Россия, Болгария, Польша, Чешская республика, Эстония, Венгрия и Словения.
Примечание. Данные цифры отражают количество опрошенных, которые на вопрос - что они сделали бы, когда, чтобы получить какое-либо разрешение от властей, чиновник предложил бы им подождать – ответили, что «они бы предложили вознаграждение» или «стали бы действовать без разрешения».

Схема 3. *Сравнение доверия к людям с доверием к институтам (в процентах)*
В шкале по горизонтали находятся следующие страны (слева направо): Литва, Латвия, Румыния, Словакия, Россия, Болгария, Польша, Чешская республика, Эстония, Венгрия и Словения.
Более темным цветом – «доверие к институтам», более светлым цветом – «доверие к людям».
*Примечание. «*Доверие к людям» отражает количество опрошенных, которые сказали, что они более всего доверяют людям, которых они знают. Опрошенных также спрашивали, доверяют ли они 12 различным социальным и политическим институтам: «доверие к институтам» - это среднее количество тех из опрошенных, кто сказал, что они доверяют.

Доверие к политическим партиям было меньше, чем любому другому общественному институту; в Центральной и Восточной Европе в целом только один из восьми доверял партиям и только один из семи безусловно доверял своим членам парламента. В России доверие политикам было еще ниже – только семь процентов россиян доверяло парламенту и семь процентов доверяло партиям. То, что Борис Ельцин и Владимир Путин были избраны президентами, участвуя в выборах как независимые кандидаты, говорит о многом.
По сравнению с этим, 64 процента безусловно доверяли большинству из тех, кого они знают. Контраст между межличностным доверием и гражданским недоверием был особенно велик в трех балтийских странах и в России (см. схему 3). В каждой

стране количество тех, кто доверял людям, которых они лично знали, было в два или три раза больше тех, кто доверял основным институтам общества.
В такой ситуации люди охотно будут помогать другим, но колеблются, помочь ли заработать институтам демократии, которым они не доверяют. Более того, так как граждане считают, что государственные служащие помогают друг другу в получении выгодных контрактов и поддержании высокого уровня жизни, простых людей поощряют помочь другим получить то, что им нужно от правительства. Если следование этим правилам не помогает, они могут прибегнуть к лести, связям или наличным.
Дополнительную информацию об этих исследованиях можно получить на сайте www.cspp.strath.ac.uk.

Для контактов: Ричард Роуз, член Британской Академии, университет Стрэтклейд (e-mail: o.j.robertson@strath.ac.uk).

Коррупция в государствах Балканского полуострова

Мартин Димов

В феврале 2001 и в феврале 2002 г. Инициативой по развитию законодательства в Юго-восточной Европе (ИРЗЮВЕ) были проведены два независимых репрезентативных исследования коррупции на Балканах.[1] Данные исследования были проведены в семи странах:: Албании, Боснии и Герцеговине, Болгарии, Хорватии, Македонии, Румынии и Югославии (также в Сербии и Монтенегро, которые были изучены отдельно). В каждой стране количество опрошенных превысило одну тысячу человек.

Хотя опрошенные указали на различные социальные и экономические проблемы, существовавшие в их странах, включая безработицу и бедность, коррупция воспринималась ими как одна из самых главных проблем. То, что она продолжает занимать одно из самых важных мест, дает возможность предположить, что общественность все еще не почувствовала ощутимых последствий антикоррупционных кампаний.

Вопросы касательно отношения людей к коррупции дают понять, что терпимости к коррупции на Балканах не существует. Это особенно верно в Болгарии. Терпимость в отношении к коррупции несколько выше в Сербии, Боснии и Герцеговине и Хорватии. На шкале от нуля до 10, где ноль означает низкий уровень терпимости, величина показателя индекса «принимаю в принципе» для Болгарии в 2002 г. была 1,4 балла, в то время как для Сербии, Боснии и Герцеговине и Хорватии она была 2,0 балла и выше.

Несмотря на низкий уровень терпимости к коррупции по всему региону, граждане, однако, сообщают о своем участии в коррупционных действиях. Эти исследования предполагают, что участие в коррупционных действиях вызвано сознательно преследуемыми целями. Причины, которые были предложены, имеют тенденцию быть связанными с материальными или институциональными интересами или даже с практической необходимостью, нежели чем с вымогательством «коррумпированными действующими лицами» в государственном секторе. Индекс «коррупционного давления» обнаруживает относительно низкий уровень вымогательства со стороны государственных служащих (от 1,4 до 4,3 баллов при максимально возможных 10 баллах). Сравнивая между собой результаты 2001 и 2002 гг., представляется, что уровень вымогательства вырос в Македонии (на 0,6 балла по шкале индекса) и в Боснии и Герцеговине (на 0,5 балла).

Данные исследования указывают, что коррупция поддерживается относительно небольшой частью населения. В большинстве исследованных стран количество опрошенных, которые сообщили о своем личном участии в коррупционных актах (см. схему 1, где ноль баллов означает самый низкий уровень коррупции, а 10 – самый высокий), сократилось. Перемены наиболее поразительны в Албании, где величина показателя индекса уменьшилась между 2001 и 2002 г. почти на целый балл (с 2,8 балла до 2,0). Однако, величина показателя индекса за тот же самый период увеличилась почти в два раза в Македонии, где политическая нестабильность и растущая этническая напряженность повлияли, возможно, на решение людей обратиться к коррупции.

Восприятие людьми масштабов коррупции среди служащих государственного сектора (см. схему 2, где ноль баллов означает самый низкий уровень коррупции, а 10 – самый высокий) значительно выше, чем их личный опыт в столкновении с ней. В большинстве стран этого региона в восприятии людей произошло

изменение в лучшую сторону. Исключениями являются Албания, Македония и Монтенегро, где восприятие уровня коррупции выросло с 2001 по 2002 г. Сравнение восприятия масштабов коррупции среди различных профессиональных групп можно найти в таблице. Несмотря на различия между странами, похоже, что коррупция более распространена среди определенных профессиональных групп: представителей таможни, сотрудников правоохранительных органов и судебной системы (судьи, прокуроры, следователи), и, до известных пределов, представителей исполнительной власти. По региону существуют различия в восприятии коррупции среди врачей и полицейских; в Сербии и Монтенегро их отнесли к числу наиболее коррумпированных групп, в то время как в остальных странах была тенденция оценить уровень их коррумпированности как средний. К профессиям, воспринимаемым как наименее коррумпированные во всех исследованных странах, были отнесены журналисты, учителя и представители неправительственных организаций (НПО).

Схема 1. Реальное участие в коррупционных действиях

Ноль баллов – низкий уровень, 10 – высокий. Более светлым цветом представлены данные по 2001 г., более темным – по 2002 г. По шкале горизонтали расположены следующие страны: Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Македония, Монтенегро, Румыния, Сербия.

Схема 2. Восприятие масштабов коррупции среди работников государственного сектора

Ноль баллов – низкий уровень, 10 – высокий. Более светлым цветом представлены данные по 2001 г., более темным – по 2002 г. По шкале горизонтали расположены следующие страны: Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Хорватия, Македония, Монтенегро, Румыния, Сербия.

Таблица. Восприятие коррупции среди различных профессиональных групп (в процентах)

По шкале вертикали представлены следующие профессии: сотрудники таможни, юристы, прокуроры, судьи, сотрудники налоговых служб, следователи, члены парламента, работники министерств, полицейские, врачи, министры, лидеры политических партий и коалиций, предприниматели, работники судебной системы, представители муниципальных органов власти, местные политические лидеры, члены муниципальных советов, банкиры, работники университетов или профессора, представители НКО, журналисты, учителя.
По шкале горизонтали исследование проводилось в 2001 и 2002 гг. в следующих странах: Албания, Босния и Герцеговина, Болгария, Македония, Румыния, Хорватия, Сербия, Монтенегро.
***Примечание.* Процент людей, сказавших, что «почти все они замешаны в коррупции» или «большинство из них замешано в коррупции».**

Законы о выборах и коррупция

Уго Пануцци

Существует ли связь между коррупцией и законами о выборах и, если да, какого рода законы о выборах ассоциируются с более низким уровнем коррупции? Исследование, проведенное Межамериканским банком развития (МБР), демонстрирует, что такая связь действительно существует и что избирательные системы, которые ограничивают стимулы политиков служить местным интересам, имеют тенденцию давать более низкий уровень коррупции.[1]

Аспектом законов о выборах, подвергшемуся изучению в этом исследовании, был их уровень «политической приверженности». Это мера стимула политиков построить базу поддержки в конкретном избирательном округе, нежели опора на политическую платформу.[2] Высокое значение по шкале индекса означает, что эта система «ориентирована на кандидата», в то время как низкое значение связывается с «ориентированной на партию» избирательной системой.

Этот индекс состоит из трех частей. Одна из них охватывает степень, в которой партии могут контролировать, как кандидат пройдет на выборах. Вторая измеряет степень, в какой кандидат может извлекать выгоду от голосов других кандидатов, принадлежащих к этой же партии, что сокращает необходимость для кандидатов заниматься развитием их собственной репутации. Третья измеряет ограничения на количество отдельных кандидатов, которых могут поддержать избиратели: там, где избиратели могут выбирать только между партиями, а не личностями, законодатели имеют меньше стимулов угождать своим собственным избирательным округам.

Индекс политической приверженности был сопоставлен с данными по коррупции, полученными Кауфманом, Краем и Зойдо-Лобатоном, а именно с переменной GRAFT.[3] Переменная GRAFT не является совершенным индексом коррупции, потому что он, к примеру, также включает в себя компонент (опрос «Услуги, сопровождающиеся политическим риском»), который оценивает политическую нестабильность, которая, в свою очередь, может быть подвержена воздействию законов о выборах. Но это индикатор, который был широко использован в литературе по коррупции и демонстрирует высокую корреляцию с другими методами измерения коррупции. Более того, было обнаружено, что результаты данного исследования достаточно стабильны для использования в других индикаторах правительственной эффективности и бремени регулирования, которые также коррелируются с коррупцией.

Диаграмма 1. *Политическая приверженность и коррупция*
Ось по вертикали – коррупция (в соответствие с переменной GRAFT). Чем выше показатель, тем ниже коррупция.
Ось по горизонтали - политическая приверженность (слева направо – от крайне низкой до крайне высокой).

Диаграмма 2. *Политическая приверженность, развитие и коррупция*
По оси Z - коррупция (в соответствие с переменной GRAFT). Чем выше показатель, тем ниже коррупция.
По оси X - политическая приверженность (слева направо – от крайне низкой до крайне высокой).
По оси Y – уровень развития; чем ниже величина, тем он ниже.

Статистический анализ демонстрирует сильную, нелинейную зависимость политической приверженности от коррупции (см. диаграмму 1). Эта диаграмма показывает, что низкий и средний уровни политической приверженности имеют тенденцию быть связанными с низким уровнем коррупции. В тоже самое время, крайние степени политической приверженности (или крайне низкая, или крайне высокая) ассоциируются с более высоким уровнем коррупции.

Почему это так? Результаты скорее всего отражают противоречие между выгодами низкой степени политической приверженности и выгодами высокой степени политической приверженности. Там, где политическая приверженность высока, могут существовать чрезмерные мероприятия, проводимые для завоевания популярности, такие как расходы на специальные проекты законодателей, от которых их избиратели выигрывают непропорционально много. С другой стороны, высокая степень политической приверженности имеет определенное преимущество в том, что касается представительства и стимулов для законодателей собирать информацию о предпочтениях своих избирателей. Системы, для которых характерны политическая приверженность, также порождают механизмы соревнования между законодателями «кто кого лучше» и улучшают эффективность политического процесса.

Диаграмма 2 демонстрирует, что эта зависимость особенно сильна для стран, где значительную часть населения составляют представители среднего класса. Вне зависимости от того, какая у них избирательная система, бедные страны имеют тенденцию к более высокому уровню коррупции, а богатые страны – к более низкой. Только в странах, где значительную часть населения составляют представители среднего класса, законы о выборах играют важную роль в формировании качественных институтов управления и сокращении коррупции. Поскольку страны, где значительную часть населения составляют представители малоимущих групп, имеют тенденцию характеризоваться относительно низким уровнем демократии, не удивительно, что четкие законы о выборах не имеют, похоже, значения в этих странах. Свидетельство того, что законы о выборах не имеют такого значения в странах с высоким доходом на душу населения, более удивительно. Возможно, это результат того, что страны с более продолжительной демократической традицией нашли способы примирять различные политические интересы, которые выходят за рамки простых законов о выборах, подвергшихся изучению в этой статье.

Материалы по политической приверженности могут быть получены на сайте www.ugo.panizza.org/particular.zip

Для контакта: Уго Пануцци, Департамент исследований, МБР (e-mail ugop@iadb.org)

[1] CIVICUS – это международное движение организаций ГО, в которое входит свыше 600 членов в более чем 100 странах, поддерживающее более активное гражданское участие и более значимую роль для гражданского общества в управлении и развитии. Чтобы получить больше информации о CIVICUS, посетите, пожалуйста, сайт www.civicus.org.

[2] Чтобы получить больше информации о подходе и методологии этого проекта, см. материал Фолхарта Финна Генриха и Куми Ниду: «От невозможности к реальности: справка с изложением фактической и теоретической стороны вопроса по проекту CIVICUS «Индекс гражданского общества» 1999-2001», 2001 г., находится на сайте CIVICUS.

[3] Более детальное изложение этой проблемы и реакцию Транспаренси Интернешнл на нее, см. материал Иоханна Графа Ламбсдорфа: «Индекс восприятия коррупции Транспаренси Интернешнл 2000 г. – установочный документ», 2001 г., находится на сайте www.transparency.org/cpi/2000/methodology.html.

[4] Канадские участники оценивали уровень коррупции в организациях ГО как очень низкий. В связи с другой формулировкой вопросов и категориями ответов, данный показатель не мог быть включен в эту таблицу. В Южной Африке вопрос о коррупции в ходе опроса не задавался. Надо относиться с осторожностью к сравнению Южной Африки с другими странами, поскольку опрашиваемых там спрашивали об их собственной организации, а не об организациях ГО в целом.

[1] ИРЗЮВЕ (SELDI) была начата в 1998 г. Начало ей было положено Центром исследования демократии (Болгария) и Международным институтом развития права (Италия). ИРЗЮВЕ сводит вместе различные правительственные организации и экспертов из разных стран Юго-восточной Европы. См. сайт www.seldi.net.

[1] Полностью исследование см. Уго Пануцци: «Законы о выборах, политические системы и качество институтов», журнал *Экономика и Политика,* №1313 (2001). Система этих данных описана в работе Джессики Седдон, Алехандро Гавириа, Уго Пануцци и Эрнесто Штейна: «Политическая приверженность в мире», Межамериканский банк развития, Департамент исследований, рабочий доклад №463, 2002 г.

[2] Джон Кэри и Мэтью Шугарт: «Президенты и ассамблеи: конституциональный проект и электоральная динамика». Кэмбридж, изд-во Кэмбриджского университета, 1992.

[3] См. работу Даниэля Кауфмана, Аарта Края и Пабло Зойдо-Лобатона: «Совокупные индикаторы системы управления», рабочий доклад по выработке линии действия Мирового банка №2195, 1999.